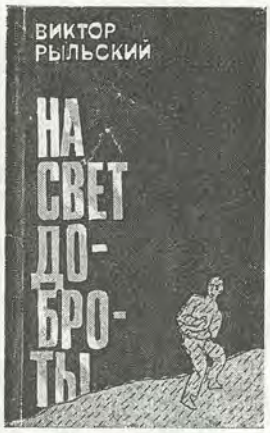
РЫЛЬСКИЙ Виктор Владимирович [5.3.1949, г. Москва] – прозаик, журналист, член Союза российских писателей, руководитель Амурского отделения Союза российских писателей (2000–2004). Лауреат премии журнала «Урал» (2007). Вошёл в шорт-лист премии Павла Бажова (Екатеринбург, 2007).

В 1957 родители Р. переехали в Амурскую обл. Здесь он учился в сельской школе, в профтехучилище, работал каменщиком, шофёром, служил в армии. В 1974 окончил истфил БГПИ. Работал в гос. телерадиокомпании «Амур», с 1985 – в должности гл. редактора радио, затем был зам. директора студии радиовещания в ГТРК «Амур» и в ГТРК «Урал». Впоследствии получил второе высшее образование в Сибирском ин-те социального управления и политологии и в Академии гос. службы при президенте РФ. В 2004 переехал в Екатеринбург, в 2007 – в Москву.

Перу Р. принадлежат книги **«На свет доброты»** (Благовещенск, 1988), **«Бульвар Самоков»** (Благовещенск, 1998), **«В жаркий полдень на берегу моря»** (Челябинск, 2005), **«Жизнь в эпоху перемен»** (Москва, 2012). Кроме того, Р.

Выступление перед читателями.



является автором изданных в Екатеринбурге и Москве документ. книг об академике Людмиле Дроздовой, профессоре Александре Дружинине, суворовцах Орловского (Елецкого-Екатеринбургского) кадетского корпуса, об офтальмологе – ученике Святослава Фёдорова Игоре Медведеве, об армянских художниках, кинорежиссёрах и артистах, о Туркмении. Составившие книгу «На свет доброты» рассказы и повесть легли в основу радиопостановок на Амурском радио. Произведения Р. печатались в альманахах и журналах «Приамурье моё», «Приамурье», «Амур», «Амур наш батюшка», «Урал», «Чаша круговая».

С первых шагов на лит. поприще Р. довелось сотрудничать с блестящими профессионалами. Его первые публикации редактировались и готовились к печати Марком Гофманом: рассказ **«О чём "Ромео и Джульетта"?»** (1983) и книга прозы «На свет доброты». Рецензентами первой книги Р. стали Борис Можаев и Николай Фотьев. Впоследствии Р. сотрудничал с Владиславом Лециком, опубликовавшим в альманахе «Приамурье» ряд рассказов и повесть «Поездка в Япули», а также подготовившим к печати книги «Бульвар Самоков» и «Жизнь в эпоху перемен» (изданную уже в московском изд-ве).

В творчестве Р. можно выделить три периода. Первый – 1980-е – время поиска своей собственно манеры, интонации и жанра. В этот период формируются такие особенности прозы Р., как публицистичность стиля, меткость языковых характеристик, внятность гражданской позиции. Уже в первых произведениях автора отчётливо обозначается такая доминанта его художественного видения, как ирония и самоирония, а излюбленной жанровой формой выступает рассказ. Среди наиболее значимых произведений 1980-х – «деревенские» рассказы, а также написанная в традициях Гоголя и Щедрина повесть **«Невероятное происшествие в Серогорске»**. В этих произведениях рассказывается о «маленьких людях» – современниках автора, сквозь судьбы которых проступают контуры непростой истории огромной страны. Острые проблемы современности решаются в прозе Р. на самом широком материале: его персонажи сталкиваются с трагическими и нелепыми происшествиями в системе советского образования и здравоохранения, политического и административного устройства, мира литературы и искусства, науки и журналистики и т.п. При этом писатель умело пользуется средствами иронии и сатиры.

Во второй период творчества (1990-е – нач. 2000-х) Р. создаёт произведения, в центре которых герой автобиографический (**«Пятница, тринадцатое», «Переписка с психологом», «Добрый день», «Под сенью статуи маэстро Глюка»**). В прозе писателя проявляется новая тема – тема русских в Китае (повесть **«Поездка в Япули»**, очерк **«На русском кладбище в Харбине»**), автор активно экспериментирует с жанром, используя традиции эпистолярной прозы (повести «Бульвар Самоков», «Переписка с психологом», «Поездка в Япули»).

Третий период – сер. 2000-х по наст. время – поиск новых тем и персонажей. Автор всё реже использует жанр рассказа, уходит от локальной тематики к изображению масштабных перемен в судьбе России. В созданной в конце 1990-х «Переписке с психологом» автобиографич. герой признавался, что вместо того, чтобы «писать о себе», «я всё время сбиваюсь на общественные процессы, морализирую», тем самым предвосхищая путь, по которому будет развиваться проза Р. в дальнейшем. В сер. 2000-х писатель обращается к созданию документальных произведений (книги из серии «Выдающиеся учёные Урала и Западной Сибири» (2004–2005), **«Мы – суворовцы»** (2006), **«Республика Туркменистан вчера, сегодня, завтра»** (2011) и др.). Этот опыт накладывает отпечаток на тексты, маркируемые им как художественные (повести **«Что случалось на моём веку»**, «Жизнь в эпоху перемен»), в которых не всегда удачно переплетаются лирическое и публицистическое начала, а характерное для ранней прозы психологически достоверное погружение в детали частной жизни и быта персонажей подменяется изображением зачастую ходульных героев и идеологическими штампами «демократической», а порой и «жёлтой» прессы.

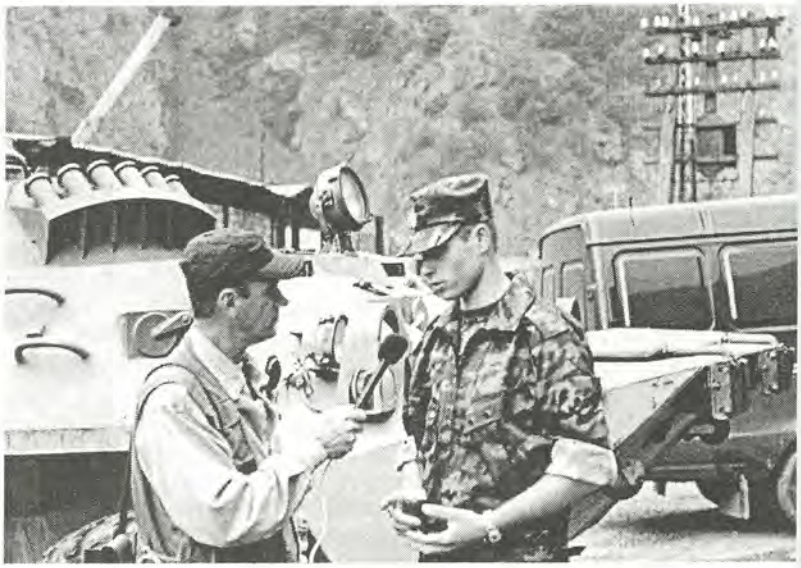
Вместе с тем в этот период автор признаётся, что активно ищет новые средства самовыражения, оставаясь приверженцем традиций таких писателей, как Н. Гоголь, А. Платонов, Ю. Казаков, Б. Можаев. Творческое усвоение опыта этих художников слова ощущается уже в первых произведениях Р., посвящённых деревне. По мнению В. Лецика, «сельские рассказы Рыльского – **"К дядюшке"**, **"Заспорили два мужика"**, **"День да ночь"** и др. – написаны прекрасным языком, они полны тепла и света, пронизаны юмором, порой грустным, в них есть боль за своих земляков-колхозничков, вынужденных терпеть не только житейские тяготы, но и кретинизм тогдашнего руководства – высокого и пониже».

Свойственный писателю пристальный интерес к кризисным моментам истории и злободневным, острым вопросам совр. жизни не в последнюю очередь объясняется образованием и профессией автора. Уже в ранней «деревенской» прозе Р. его персонажи фиксируют приметы неблагополучия: смерть молодых («кто от водки сгорел, кто повесился, кто утонул»), повальное пьянство («пьют, пока рот открывается»), отношения между людьми («всё вроде есть, а люди злые, лаются»; «свадеб давно нету», «большой человек то ли с химизации, то ли с мелиорации» даже не подошёл к простым труженикам поздороваться); пренебрежение к труду.

Именно в «деревенских» рассказах Р. много ярких, запоминающихся образов. Например, дед Рогожа из рассказа «День да ночь», напоминающий шолоховского деда Щукаря. Герой, сосланный на Дальний Восток как «подкулачник», не теряет творческого задора, ищет новые подходы к ведению хозяйства (предлагает организовать крокодиловую ферму, развести кенгуру), рассказывает невероятные истории и пишет стихи на злобу дня: «Петровка – село знаменито, / Мужикам не знаком покой. / Штук семнадцать столбов разбито / Налетевшей, стал быть, грозой. / Про столбы писали в газете. / Не столбов, мужиков мне жаль. / Задурённые славой этой, / Забудут убрать урожай»; «Мы работать начнём без сбоев, / А потом заживём мы всласть. / Вот что значит – большие удои / И родная Советская власть».

Местом действия многих произведений Р. (как художественных, так и документальных) является не только де-

ревня, но и Реченск – город, в котором легко опознаётся Благовещенск. Делая реальный Благовещенск, названный именем вымышленного города из задачника по арифметике, книги «Спутники Марены» Т. Авлошенко и кинофильма «Майор Ветров», центральным топосом своей прозы, Р. размывает границы между пространством фиктивным, вымышленным и фактическим, реальным. Это размывание является характерной чертой прозы писателя, в которой автобиографич. начало плавно перетекает в историю придуманного героя («День да ночь»), а узнаваемые детали жизни советской творческой элиты или деревенских тружеников растворяются в фантасмагорической атмосфере («Невероятное происшествие в Серогорске», «Заспорили два мужика»). Часто автор использует фактографический материал, чтобы придать достоверность истории частной жизни и вписать её в судьбу страны (например, жизнь героини рассказа «День да ночь» Анны, зафиксированная в «альбоме с фотокарточками, газетными вырезками, грамотами»). И одновременно, наряду с документальными свидетельствами, используются байки, историч. анекдоты (например, история встречи героя рассказа **«Дядя Саша»** со Сталиным, окучивающим картошку у себя на даче).



Виктор Рыльский в журналистской командировке в Чечне.

Сквозная тема творчества Р. – переломные, кризисные моменты в судьбе отдельного человека. Собственно, именно острота сюжета и проблематики характеризует так любимый Р. жанр рассказа, как правило, описывающего один случай из жизни героя – но случай ключевой. Однако и в произведениях, обозначенных автором как «повесть» (при всей неоднозначности их жанрового статуса) – «Что случалось на моём веку», «Жизнь в эпоху перемен», – писателя интересуют не менее судьбоносные моменты жизни уже не отдельного героя, но целой страны. Эта тема определяет сюжет первого прозаического произведения Р. – рассказа «О чём “Ромео и Джульетта”?», в котором водитель автобазы Шура Кочкарь решает ехать в Москву поступать «на артиста». И она же лежит в основе последнего на данный момент произведения Р. «Жизнь в эпоху перемен», в котором спортивный тренер Пётр Батуев осмысливает свою жизнь, совпавшую с переломными моментами истории России. Но наиболее интенсивно разработка тема кризиса в судьбе героя идёт в творчестве 1990-х и связана с автобиографическим героем Р.

Стратегия представления этого героя (Виктора Рыльского, в детстве звавшегося Вихтори Рямме) – это стратегия уже упоминавшегося искусного размывания реальных биографических фактов и вымышленных событий. Герой так комментирует этот принцип в последних абзацах «Переписки с психологом»: «Когда в первом письме к вам я пытался дать себе характеристику, меня, по-видимому, больше заботила не истина, а то, что подумаете обо мне вы. <…> Не был достаточно откровенен и в последующем. <…> Да и достижимо ли это вообще?».

В «Переписке с психологом» герой даёт себе две не до конца согласующиеся характеристики. Одна – по заданию психолога – в первом письме: подробный, на две страницы, анализ свойств своей личности с характерной для всей творческой манеры автора изрядной долей самоиронии: «Когда-то гордился тем, что за всю жизнь не сказал матери (по её легенде) грубого слова <...> старался не подводить товарищей. Правда, что они думают по этому поводу – не знаю». Другая – в конце переписки: «заурядный человек, потерявший жизненные ориентиры», который пытается следовать советам психолога, хотя и понимает, «что дело это безнадежное». Две характеристики – но какая из них соответствует герою и так ли он зауряден, как говорит? Так проявляется способность автора вовлечь читателя в процесс сотворчества. Не случайно Р. в одном из интервью признавался, что «читатель всегда мой соавтор».

С этой способностью автора связаны особенности характеристики многих его героев. Вот, например, персонаж рассказа «Дядя Саша». С самого начала Р., описывая взгляды, которым провожали идущего по улице героя – «злые, насмешливые, равнодушные, сочувственные», – ставит перед читателем задачу: разобраться, кто же таков центральный персонаж этого рассказа? Мальчишкам он дарит «парусник, вырезанный из цельного куска дерева, катер из коры, якорь, спасательный круг, морских чудищ из корневищ» и рассказывает занимательные истории. А отец рассказчика, узнав, что сын часто бывает у дяди Саши, называет последнего «ворюгой и уголовником», который «на сиротских слезах наживался». Кодой рассказу служит упоминание о дереве, которое росло рядом с шалашом дяди Саши: «Со временем и оно рухнуло, а по ночам от него *шло свечение*, – это *светились гнилушки* (выделено мною. – *Н.К.*)». Кем же был на самом деле персонаж, рассказчик так до конца и не понял. Задавая возрастную дистанцию, оглядываясь на детство с высоты прожитых лет («теперь, когда мне далеко за тридцать»), повествователь пытается ответить на эти вопросы, но завершает свои предположения фразой: «Кто знает?», приглашая читателя задуматься над разгадкой характера героя.

Интерес к Другому в прозе Р. имеет характерную динамику: от свойственной раннему творчеству попытки разобраться в переплетениях судьбы вымышленных персонажей на перепутье, в непростой ситуации, при подведении каких-то жизненных итогов («О чём “Ромео и Джульетта”?», «Дядя Саша», **«Похороны»**, «День да ночь») к кризисным моментам в жизни автобиографического персонажа («Пятница, тринадцатое», «Переписка с психологом», «Добрый день», «Под сенью статуи маэстро Глюка», «Поездка в Япули»). При этом, когда в произведениях второго и третьего периодов начинает звучать голос другого повествователя (например, Николая Заики, рассказывающего о русском Харбине в «Поездке в Япули» и в «Что случалось на моём веку»), то его манера и интонация не несут признаков индивидуальности. Такая динамика приводит писателя к тому, что всё чаще судьбы конкретных персонажей теряются, размываются на фоне тех исторических событий, к которым прикован интерес автора в его произведениях «Что случалось на моём веку» и «Жизнь в эпоху перемен».

Характерной чертой творческой манеры Р. является склонность к эксперименту – с композицией, языком, стилем, жанром. Так, автор активно использует фрагментарное повествование, монтаж не связанных, на первый взгляд, сюжетных линий («Бульвар Самоков», «Жизнь в эпоху перемен»). Включает в текст церковнославянизмы («Заспорили два мужика»); нелепые стихи («День да ночь», «Невероятное

происшествие в Серогорске»); активно использует стихию народного языка (байки, частушки, анекдоты); ведёт повествование от лица иностранки, делающей смешные ошибки в русском языке («Бульвар Самоков»). Писатель смешивает лирический и публицистический стиль («Что случалось на моём веку»), пытается воссоздать особенности женского дискурса («Бульвар Самоков»). Р. экспериментирует с эпистолярным жанром: из писем состоит повесть «Переписка с психологом», письма героини, перемежаемые рассказом о встрече советской делегации с оппонентами из Польши, составляют канву повествования в повести «Бульвар Самоков», путевые заметки в виде писем к возлюбленной ложатся в основу повести «Поездка в Япули».

В некоторых случаях стремление к эксперименту берёт верх над целесообразностью и гармонией, однако в целом оно свидетельствует о работе автора над формой и содержанием своих текстов, о его творческом поиске. С этим связано и появление в прозе Р. саморефлексивных фрагментов, когда его герои и сам автор с иронией и самоиронией размышляют над процессом творчества (например, сатирически остраняя созданную поэтом Плохим из «Невероятного происшествия в Серогорске» поэму с помощью им же написанного литературоведческого комментария для журнала «Дальний шесток»), над проблемой «писатель и власть», над принципами организации творческой среды (особенно интересными в этом отношении представляются повесть «Невероятное происшествие в Серогорске» и рассказ «Под сенью статуи маэстро Глюка»).

В итоговой на данный момент книге «Жизнь в эпоху перемен» автор собрал свои наиболее значительные художественные тексты, среди которых и хорошо знакомые амурскому читателю повести и рассказы 1980-х – нач. 2000-х, и не всегда удачные произведения третьего периода. Состав этой книги – явное свидетельство того, что Р. находится на новом этапе творчества и остро нуждается в обновлении ранее найденного формата и интонации. Возможно, это обновление будет связано с возвращением к жанру рассказа. Не случайно, сам автор в завершающем книгу интервью «Я бегун на короткие дистанции», отмечая значимость такой жанровой формы как роман, признаётся: «Я всё-таки отдаю дань рассказу».

Соч.: О чём «Ромео и Джульетта»?: Рассказ // Приамурье моё: Лит.-художественный сборник. Благовещенск: Амурское отдел. Хабаровского кн. изд-ва, 1983. С. 135–150; На свет доброты: Повести и рассказы. Благовещенск: Амурское отдел. Хабаровского кн. изд-ва, 1988. 128 с.; Бульвар Самоков: Повести и рассказы. Благовещенск: Гос. ред.-изд. малое предприятие «РИО», 1998. 160 с.; Девятый день. Итальянский зять: Рассказы // Приамурье – 2000: Лит.-худож. альманах. №4 (22). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2000. С. 35–38; Поездка в Япули: Повесть // Приамурье – 2001: Лит.-худож. альманах. №5 (23). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2001. С. 38–46; Олег Маслов: [О поэте] // КП Приамурье. 2002. 30 авг. С. 36; Под сенью статуи маэстро Глюка: Рассказ // Приамурье – 2003: Лит.-худож. альманах. №6 (24). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2003. С. 11–15; На русском кладбище в Харбине: Очерк // Амур: Лит.-худож. альманах. №2. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 70–72; В жаркий полдень на берегу моря: Повести, рассказы. Челябинск: Фрегат, 2005. 268 с.; Что случалось на моём веку: Главы из повести // Приамурье – 2010: Лит.-худож. альманах. №9 (27). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2010. С. 68–392; Жизнь в эпоху перемен. М.: ИРИСБУК, 2012. 448 с; Произведения на портале «Проза.Ру»: режим доступа: http://www.proza.ru/avtor/mladot.

Лит.: *Давыденко В.* Такой нужный свет: [О кн. В. Рыльского «На свет доброты»] // Амурская правда. 1988. 25 дек.; *Терновой В.* Бульвар Самоков: [О книге В. Рыльского «Бульвар Самоков»] // Аргументы и факты (Прил. «АИФ – Дальний Восток»). 1998. №15. С. 8; *Куприенко В.* Живите добром: [О писателе В. Рыльском] // Аргументы и факты (Прил. «АИФ – Дальний Восток»). 1998. №21. С. 1; *Рыльский В.* [Интервью о себе, своей поездке в Чечню] // Амурский дилижанс. 2001. 7 февр.; *Черных Б.* Виктор Рыльский: Приглашение к путешествию: [О документальных записках В. Рыльского «Поездка в Япули»] // Русский берег. 2002. №10. С. 12; *Рыльский В., Подкорытова Н.* «Я бегун на короткие дистанции»: [интервью с прозаиком В. Рыльским – выходцем с Дальнего Востока, ныне живущем в Екатеринбурге, – о нем, о литературе, о жизни] // Областная газета. Екатеринбург, 2005. 17 февр. С. 21; *Лукьянин В.* От Амура до Урала // Урал. Екатеринбург, 2006. №4. С. 248-250; *Лецик В.Г.* В поиске постоянных величин: Предисловие // *Рыльский В.* Жизнь в эпоху перемен. М.: ИРИСБУК, 2012. С. 5–8.

Н.В. Киреева